

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2020.60.75.034

Философский методологический базис нейропсихологического исследования юношеского возраста**Хуснутдинов Сергей Иванович**

Психолог,

Средняя общеобразовательная школа № 55,
426019, Российская Федерация, Ижевск, Автономная ул., 23;
e-mail: sergy1112@gmail.com**Аннотация**

В статье представлен философский уровень методологического обоснования исследования по нейропсихологии личности, связанной с неклассическим идеалом рациональности. Картезианская «система координат», переосмысленная М.К. Мамардашвили, послужила базисом для нового понимания личности новой психологией (И.П. Павлов), стремящейся обнаружить субъектность личностного начала. Отношение к личности в фокусе неклассической рациональности является методологически актуальным для формирующегося ныне направления «нейропсихология нормы». В работе показано, что неклассический идеал рациональности, акцентуировавший субъектность личностного начала, его суть, задаёт пути развития психологии, оказавшейся в парадигмальном кризисе традиционной классики рациио. Личность приобретает имманентное ей субъектное начало, становится, а priori, основой построения теорий и моделей научных изысканий, задавая возможности решения давней проблемы психофизиологического параллелизма. Нейропсихология личности, посредством многокомпонентного и многоуровневого понятия «нейропсихологический фактор», оказывается интенциональной инициацией для всей знаниевой парадигмы в качестве системной надстройки (общая психология, психология личности, дифференциальная психология, психофизиология, нейробиология, нейрофизиология, нейрохимия, нейроэтология, нейрогенетика, нейроморфология) относительно интегративной психологической науки в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Хуснутдинов С.И. Философский методологический базис нейропсихологического исследования юношеского возраста // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 5А. С. 276-289. DOI: 10.34670/AR.2020.60.75.034

Ключевые слова

Рациональность, классический идеал рациональности, неклассический идеал рациональности, постмодернизм, постструктурализм, субъектность, личность, юношество, нейропсихология, нейробиология.

Введение

Возникший в психологической науке кризис неразрешимости собственных теоретических противоречий и упрощений, остро ставит вопрос о личности как об активном начале, задача обнаружения собственной активности личности человека, субъектности становится актуальной. Сформировавшийся нынче теоретический базис психологии объективизирует понятие личности и, тем самым, оказывается неспособным объяснить и обосновать собственную активность человека: таковая объясняется внешними социальными факторами. Личность оказывается конструктом, понимаемым как результат социальных иллюзорных суггестий, синтезом внешних воздействий. Иначе говоря, личность, понимаемая в парадигме классической, механистической рациональности, теряется, она лишь постулируется в психологических исследованиях. Практическая психология при этом требует самостоятельной личности, активного преобразования ею себя и окружающей действительности. Это возникшее также противоречие между практикой и теорией порождено классическим способом рационализирования, объясняющего и описывающего личность как объект, фокус социального воздействия. Классический идеал рациональности, по мысли М.К. Мамардашвили, себя исчерпал. Для разрешения возникших противоречий, обнаружения собственной активности личности, причин её выбора в различных ситуациях, механизмов данного выбора, оказывается необходимым включение сознания в наблюдаемые процессы. Данная включённость сознания наблюдателя, феномена наблюдения, эксплицирована М.К. Мамардашвили в понятии «идеал неклассической рациональности». Поскольку сравнительно молодая, юная научная дисциплина «нейропсихология личности» формировалась, и формируется в настоящий момент (разработка ключевого понятия «нейропсихологический фактор» далеко не завершена), то формулирование метаязыка данной дисциплины неизбежно в русле неклассической рациональности. Содержание настоящей статьи заключается в методологическом обосновании необходимости понимания содержательного наполнения в исследованиях нейропсихологического характера в парадигматике неклассической рациональности.

Основная часть

Философский аспект методологии, при разработке в парадигме неклассической рациональности, как её рассматривает М.К. Мамардашвили, обнаруживает, интеллигентно расщепляя «первичную произвольную слитость объективируемых в мире атрибутов вещей с их «чувствующе-испытующими» состояниями», таковую дилемму: сознание – психика.

Философ, следуя описательно-феноменологическому подходу, следующим образом выстраивает две линии этой дилеммы:

Сознание – Бытие – Реальность – Субъект – Опыт – Синтезы сознательной жизни;

Психика – Самозамкнутость («герменевтическая»/логическая) – Субъективность – Представление – Феноменально наглядные превращения (физическое → ощущаемое = психическое).

Благодаря сознанию, процессу осознания, происходит отделение субъективности от субъекта, и становится возможным говорить как о, самоосновной по своему характеру, реальности (что так или иначе отражается в понятии об объективности), так и, с другой стороны, о сфере психических представлений, всегда субъективно окрашенных и «замкнутых на свой идеальный экран».

Психическое, непостижимым образом слитое с сознательной сферой, находится, по М.К. Мамардашвили, не в парадигме социальных, и принудительных по своему характеру, «иллюзий», а в системе онтологических воззрений. Приоритет онтологии над социальностью является одним из признаков различия неклассической рациональности относительно классики «приложения когито» (по слову постструктуралиста Мишеля Фуко). Объективность и социогенность – основные черты классики, рассматривающей сознание как способное быть неизменно постоянным (абсолютным) в каждом акте познания, в мысленном или эмпирическом эксперименте. Перед нами тип *рацио*, который в выстраивании теории познания опирался на традицию миропонимания, в основе которой – Бог; то есть Некто, а *ргіогі*, способный быть носителем постоянно абсолютного знания, некоего Интеллекта, обладающего совершенно полной информацией в каждой точке и моменте Бытия. Это создало условия для экспликации понятия «объективность». С эпохи Возрождения, ввиду кризиса мизантропской религии, такая ситуация получила основания для изменения: уже сам человек, а не религиозное представление о Боге, Абсолюте, оказался в центре внимания, и наука, стремясь к объективному знанию, определила необходимость нахождения собственных оснований собственного существования, без внешних, сверхъестественных, точнее сказать, религиозных, опор. Это привело к возникновению классического типа рациональности, основные положения которого были сформулированы Декартом. Дальнейшее развитие картезианской тенденции, непротиворечащей сворачиванию внешней опоры религиозного характера (концепция креационизма, восходящая к греческой традиции «бог из машины», или лат. «*deus ex machina*»), привело с середины XIX века к переосмыслению рациональности, размывающего классический тип мышления (С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр), понимающей сознание, самого человека, как причину, как свободного деятеля, ничем не обусловленного. Бытие здесь понимается как функция сознания, его эпифеномен. Отечественный апологет «неклассики» М.К. Мамардашвили внёс свой вклад с данную «систему координат» (модель Декарта) и эксплицировал феномен *наблюдения*, которое – эксплицитно выраженное свойство наблюдателя. Оно заменило собой представление о таковом Наблюдателе, стало индикатором окончательной попытки перевести внешнюю опору (религия) во внутренний, собственно научный, план. «Небеса обрушились» и внешний демиург-наблюдатель оказывается здесь «увлекаем внутрь», интерпретирован, трансформирован, через представление о Наблюдателе, в категорию «наблюдения», и претворяется в феномен индивидуальной личности в собственно научной, психологической парадигме. Творец, по М.К. Мамардашвили, уходит во внутренний план, – «человек, действующий из «внутреннего», – и, тем самым, индивидуализируется, личностно оживляется. И значение бытия, фиксирование достоверной наличности придаётся в таком смысле каждому отдельному акту, и каждым актом, сознательного усилия, «точки интенсивности», «событию когито», которое неизбежно строго индивидуализировано: индивидуально-личностные процессы нераздельны с изучаемым явлением, имманентны ему, формируют его, являются им.

Эти два вербализируемых феномена («точка интенсивности» и обнаружение слитости) фигурируют в трёхчастной системе декартовского принципа когито, во 2-м и 3-м пунктах. Первый пункт, шаг, этой когитальной конструкции, по мере развития, движения своей понимающей интенции, приводит, по М.К. Мамардашвили, к неклассической рациональности. Вот этот картезианский трёхшаговый принцип когито, изложенный в трактовке М.К. Мамардашвили:

1. создание мира как свободное творение;

2. дление и воспроизведение сотворённого мира, опосредуемое «точками интенсивности» (термин М.К. Мамардашвили), которые понимаются как *овеществлённо воплощённое* бытийственное явление (парадигма сознания) и не предполагающее себя как Наглядного, как Представления, как моделируемого творения в самозамкнутости психического отражения (парадигма психического);

3. устранение (снятие) таковых воплощений и фиксация их, теперь уже в понимательном (рефлексивном) процессе, как символ, задающих фундамент своему бытию, человеческих сознательных усилий («точек интенсивности»); в терминологии Декарта этим значением обладают некие «животные духи», которые по Декарту, и населяют нервы, передающие возбуждение и раздражение (сфера психического), и «вживую», антимеханистически (по сути, вне классической рациональности) объединяют воспринимающего и предмет восприятия (сфера сознания, сознательных усилий), душу и тело (дуализм Декарта). Третий шаг когито (неизбежность Психического) оказывается возможным благодаря исчерпанности классической механистичности (сфера Сознания, предполагающего объективность, 2й шаг когито).

Дление и воспроизведение мира (2й шаг декартового когито) предполагает, по М.К. Мамардашвили, некий принцип участия, который в свою очередь подразумевает непрерывную деятельность мыслящего. Нет зазора у Декарта между «Я мыслю» и «Я существую», это аксиоматическая установка, не требующая «зазора», прерывания для своего доказательства; такая установка позволяет проводить мысленные и эмпирические эксперименты, контролируемо и множественно воспроизводящие мир как объективную данность, в его частных проявлениях, приближаясь к Абсолюту существующего Мыслителя-Творца. Это установка классической «онтологии ума». Непрерывно Мыслящий (по сути, – Абсолют) понимается в своём абсолютном постоянстве и неизменности в отношении изменчивого мира, в соответствии с дуалистическим настроем Декарта. Возникшая субъект-объектная система непосредственно выражает возможности научного познания классической рациональности.

Однако, в интерпретации трёхшагового когито, которую предлагает М.К. Мамардашвили, первый шаг вышеприведённого декартовского когито оказывается несовместим с принципом непрерывности. То есть М.К. Мамардашвили, в своей интерпретации, обнаруживает в когито Декарта некий зазор между «Я мыслю» и «Я существую»: принцип их аксиоматического тождества, принцип непрерывности неприменим в *момент творения мира*, и, следовательно, в момент дублирования творения мира, то есть и в момент синтеза (3й шаг декартового когито). Зазор: в момент творения Немыслимое уже существует, но, по определению, ещё не подверглось даже попытке осмысления. Но этот момент творения происходит именно в мыслительной парадигме, то есть философ сталкивается с мышлением о Немыслимом, о котором невозможны не только строгие терминологические экспликации, но и невозможна вербализация в принципе. Абсолютно. Возможны только лишь слабые и вялые вербализованные намёки. Обращение внимания на это Немыслимое и является особенностью науки XX века, и неклассической рациональности, в частности. «Я» (как общее в составляющих когито «Я мыслю», «Я существую») здесь понимается как нечто, имеющее чисто символическую природу (3й шаг декартового когито), как «уже-всегда-свершившееся», объяснительный механизм возникновения/конструирования которого невозможен.

В таком случае более развёрнуто актуализируется следующая интерпретация развития картезианского когито: Второй шаг задаёт интеллигибельность, то есть понимательную особенность, переводит внешнее явление в нечто присвоенное себе мыслью, неотличимой в своей самовозобновляемости, в неклассических постулатах, от вещного мира; здесь дуализм

Декарта устраняется: мир сотворён не раз и уже навсегда (внутри неизменного сознания неизменного Творца-Абсолюта), а творится заново в каждой точке интеллигибельной интенсивности совместно с ежеситуативно возобновляемым со-бытием субъекта. Третий шаг указывает на «всегда-уже-свершившееся», на синтетический символ единства понимающего и понимаемого, наблюдения и наблюдаемого (М.К. Мамардашвили), души и тела (Декарт), слова и вещи (М. Фуко), указывает на нечто Непостижимое в плане объяснения механизма этого единства, которое, однако, по словам М.К. Мамардашвили, вполне реально существует (уровень бытия, самоосновного сознания, субъектности), не смотря на невозможность интеллигибельного объяснения (уровень представления, психического самозамкнутого отражения, субъективности). Этот синтез, эта слитость, это единство принципиально имплицитно, и может быть только взято за мыслимое основание как точка сингулярности, символически устраняющая декартовский дуализм. Если в декартовой модели мира, условно говоря, элементы познаваемого мироздания можно представить как концентрические окружности: внешняя окружность (познающий субъект) и внутренняя окружность (познаваемый объект), в соответствии с декартовыми требованиями «ясности и отчётливости» и превалирующим описательным подходом; то неклассический идеал рациональности, с его акцентом на процессуальность, динамичность, с его привнесением в картину мира Непознаваемого, Немыслимого, некоего «неясного» интервала между «Я мыслю» и «Я существую» (неклассическое *cogito*), может быть представлен как всегда разворачивающаяся спираль (парадигмальный скачок, превращающий механистическую совокупность концентрических окружностей в свою спиральную системность). Спираль, что показывает ретроспективно (то есть, сознательно, с сознательной «оглядкой» на самое себя) обнаруживаемую внутри некоего произвольного, интеллигибельного промежутка объединяющую и, одновременно, разъединяющую грань между осознающей себя Мыслью и подвижным Немыслимым, понимаемым как часть (в динамическом смысле, как продолжение) этой самой Мысли.

И это Немыслимое, Непостижимое в современном *cogito* берётся за основание, за точку отсчёта миропонимания, но в первую очередь – понимания самое себя. Это Непостижимое включает в себе все варианты возможного, всю гармонию и хаос, всю внутреннюю необходимость самодвижения, некий «мотор», «вечный двигатель», что условно может быть эксплицировано посредством понятия «субъект», или, в символическом смысле, «я-субъект». Это есть принцип, апофеоз свободы по Декарту и солидарного с ним в этом М.К. Мамардашвили (который называет Декарта, утверждающем наличие непостижимой «третьей субстанции», – «неистовцем освобождения»).

Повторимся более развёрнуто: это Непостижимое/Немыслимое, в котором имплицитно существуют все возможные состояния и которое словно бы напоминает первозданный хаос всех мыслимых и немыслимых вероятностей и возможностей, высвобождает из себя также и возможность объективного описания со стороны деятельностного сознания («описание изнутри»). Такое самодвижение Непостижимого в сторону конструктивной, упорядочивающей объективации в процессе деятельности сознания, то есть сознательно, даёт возможность говорить о «собранном субъекте» (конструкция – то, что собрано, структурно сложено). Такое самодвижения Непостижимого, из области обретания Непостижимого, указывает и на особое отношение к предметности мира, его материальности – «перед» нами уже материя феноменального измерения, которая, по принципу дополнительности, имманентно и органично сочетает в себе и наблюдение, и наблюдаемое, объединяет восприятие и сам предмет,

рассматривает предметный мир (бытие) как эпифеномен по отношению к сознанию.

Таков итог взглядывания в себя в, условно говоря, рамках неклассического идеала рациональности. Взгляд, обращённый внутрь, находит своё собственное Непостижимое, которое им и направляется, и им самим направляет его самого. Перед нами множественная рефлексия (бесконечное множество витков «спирали» самоосознания). Непостижимое «собирает(-ся)» субъект-а(-ом), об-наруж-ивает (выводит наружу) его, является его собственным источником его самодвижения, бесконечным потенциалом. В онтологическом смысле именно Оно, а не сам субъект, может быть взято за основание любой, неклассического характера, экспликации. Об этом пишет и М. Фуко, утверждая, что нелепой и несуразной формой мышления является полагание, что мыслит якобы сам человек как субъект жизни, труда и языка [35, С. 363]. Однако, акцентирование внимания исключительно на Трансцендентальном, на Абсолюте приводит европейское мышление к крайним выводам.

Постмодернизм, постструктурализм. Абсолютная объективация Абсолюта, то есть Немыслимого (когда «модель – более подлинное, чем подлинник», при отыскании того, что «более ложное, чем ложь: иллюзию и кажимость»), поскольку «Вселенная не диалектична – она обречена на крайности, а не на равновесие»), повергает европейское постмодернистское мышление в ловушку смерти, сворачивания дискурса, невозможности языка. В парадигме диалектики системное единство Я и Непостижимого, переходя в аксиому об «активности вещи», в недиалектическом постмодернизме рушится. Абсолютизация Немыслимого, а, значит, и Непроизносимого, устраняет диалектическую возможность, на которой, по утверждению М.К. Мамардашвили, собственно бытие и зиждется. Вещное бытие упраздняется и на смену ему приходит лишь представление о нём, лишь образ того, что бытийственно уже не существует. Такое у-слов-ное бытие выступает как у-слов-ный же текст. Подвергшееся, в текстах И. Канта, вербализации бытие, когда запрос на истинность в философских и научных поисках полностью стал зависеть от специфики и формулирования понятийного инструментария чистого разума, в условиях постмодерна, добавим от себя, приобрело (это бытие) своё крайнее значение как Текст. Текст, как крайность чистого разума, полностью подменил собой собственно Бытие.

Этот *Текст (-бытие)* создаёт рискованную ситуацию возникновения такой метафоры, которая словно бы оторвана от своего основания, от своей буквальности, как греческий Антей от земли. Метафора, как таковая состоящая из образного-переносного и буквального компонентов значений (словарная статья «метафора»), словно бы уже претендует на существование вне предметно-буквальной своей составляющей, претендует на существование только образности (уже легковесно легкомысленной и призрачно-прозрачной), и собственно бытие (как бытие овеществлённое, «земля») уже отрицается. Тогда мы вступаем в противоречие: бытие как философская основа словно бы отрицается, и философия как онтологическая дисциплина «умирает». В таком случае мы теряем основания для наличности любого явления или феномена. В таком случае понятие бытия нивелируется и остаются только его производные: сугубо образная метафора существует сама по себе, образ остаётся без своей предметности, без «почвы», и метафорический образ превращаются в симулякр (*simulacrum*) – в копию без оригинала. Такая метафора создаёт свои производные – образы образов.

Это в корне отличается от русской традиции и берёт своим истоком ранние схоластические тексты. Кирилл Александрийский (376-444 гг.) пишет: «Говорят, что мы не являемся образом Божиим, но образом образа. Ведь Сын и Слово Бога и Отца есть Его образ, человек же является образом не первообраза, но образа, то есть Сына, так что мы – образ образа. Ведь не сказано, говорят они, что сотворил Бог человека «Своим образом», но – по образу, чтобы человек был

по образу Бога и Отца, то есть образом Сына, что и есть образ образа» (по изданию Лионеля Уикхэма текстов Св. Кирилла Александрийского [28, Р. 196-197]). Этот образ образа Кирилл Александрийский обозначает буквально как «εἰκὼν εἰκόνοϋς».

Жак Деррида, представитель французской традиции, связанной с латинскими переводами, к коим относятся тексты Кирилла Александрийского, из Греческой патрологии (Patrologia Graeca), в которой «simulacrum» может обозначать «φάντασμα» и «εἰκὼν», пишет, что посредством «simulacrum» обыкновенно толковали «φάντασμα» Платона в аспекте «копии копии»). Жан Бодрийяр радикально переиначил как «копия без оригинала».

Принципиально так же, безотносительно для нас к религиозности темы, рассуждает и постструктуралист Жиль Делёз: «Бог создал человека по своему образу и подобию. Согрешив, человек утратил подобие, но сохранил образ. Мы превратились в симулякр», или в *оригинале*: «Dieu fit l'homme à son image et ressemblance mais, par le péché, l'homme a perdu la ressemblance tout en gardant l'image. Nous sommes devenus des simulacres». Впрочем, в логике смысла суждений Делёза, переведённый французский оригинал – не оригинал, и даже не подобен ему. Делёз напрямую заявляет, что в его дискурсе «симулякр – это образ, лишённый подобия» («le simulacre une image sans ressemblance»).

В обществоведческом аспекте постмодернистское бытие облачается-обволакивается в формы социальности и формирует сферу человеческого как форму личностного. Однако, европейская наука, вслед за философскими выкладками, понимает личностное таким, которое обезличено и в системе «жизнь-текст» полностью перешло на сторону Текста. Научное знание здесь, как система текстов, – становится копией копий, или даже копией без оригинала. Текст как симулякр. Наука – система симулякров.

Эта недиалектическая крайность, отрицающая любой синтез (и, следовательно, саму возможность научного синтетического мышления), обнаруживает собственно то, что М.К. Мамардашвили называет областью Непостижимого-Немыслимого. Осмысливающее Я, как форма Немыслимого, в постмодерне упраздняется, и Бытие схлопывается в свою (с точки зрения диалектики) противоположность – в небытие, симулякр. Спекулятивное, то есть сугубо механистическое (вне неклассического принципа дополнительности) жонглирование понятием «активность объекта» с односторонним толкованием таковой активности приводит в принципиальный бытийственный тупик.

Перед нами возникает проблема невозможности мышления (в том числе, научного мышления), кризиса объективного метода в психологии, и психологии как науки. Кризис любого знания: философия, психология в её различных направлениях существуют лишь при осознании человеком-наблюдателем самое себя. То есть предмет и его образ, понимаемый и как психическое представление, и как возможность осознанного познания предмета, системно задают основу бытия и бытия знания о бытии – то есть возможность науки. В так понимаемом бытии осознанность есть возможность существования вещного бытия, поскольку осознанность – имманентно присущее свойство, существующее как принцип единицы анализа, как системообразующее свойство. Неотрицаемая М.К. Мамардашвили, в отличие от его европейских коллег, диалектичность мира, и введённое им в философский оборот понятие «точка интенсивности» в её системном единстве с категорией сознания задают человекообразные (антропоморфные) основы бытия: человек, даже в казалось бы пассивной функции наблюдения, – суть и основа бытия, и знания о бытии («... понимающие акты философствования являются условием жизни... некоторых сознательных существ, называемых «человек»»). Иначе говоря, учитывая постулат об активности Немыслимого (условно говоря,

активности объекта), активность человеческого Я принципиально нерасторжима, изначально слита, как и само Я, с Немыслимым, несёт Немыслимое в себе, и себя в Немыслимом (Я и Немыслимое различаются лишь условно, мыслимо, на уровне языковой описательности). Наука в целом, как любое знание с меньшим, нефилософским, уровнем обобщения, тогда существует уже в опоре на онтологические, а не социально-внешние аспекты. В этом мы видим, как видит М.Г. Ярошевский в работах И.П. Павлова, собственно русский путь жизнеутверждающего знания о бытии, его познания (возможность науки), бытийственности, то есть его самоосновной жизнеспособной наличности: «Бытие существует», также: «Философия – элемент созидания человеком самого себя», и далее: «Существуют... самоосновные явления: они основание самих себя содержат в себе».

Тогда сознание, как самопроявление в «точках интенсивности», выражает собой уже не цельный континуум бытия, а его ситуативную контекстность, прерывистость и наличность именно в моменты осознания с разной степенью осознанности. Немыслимое в таком контексте выступает трансцендентальной основой деятельности субъекта. Европейский постмодернизм превращает эту деятельность в игру, которая из-за акцента на Немыслимом, иными словами, на Пустоте, в рамках классического дискурса, использующего рационалистические приёмы, может быть как интеллектуальной, так и внеинтеллектуальной игрой в повседневность. Повседневность гетерогенную по своему характеру и ситуативную по форме постмодернистского рационального выражения. Наблюдается постмодернистский отказ от границ, накладываемых трансцендентальным разумом. Выражаясь диалектически, недиалектический отказ этот даёт возможность, с одной стороны, увидеть, или задать возможность, собственно человека во всей его некритической непосредственности, а не гносеологического субъекта, с другой стороны, разворачивается пропасть нигилизма, влекущая в «раздействительствование», в Пустоту.

Диалектика отечественной философии. М.К. Мамардашвили не отказывается от диалектического подхода, встраивает иррациональное в систему онтологии человека, прибегая к принципу дополнительности (Н. Бор). Неклассическое Иррациональное здесь не противоречит шеллингианскому пониманию непостижимого базиса реальности, который всегда находится в основе вещей (словарная статья «иррационализм»). В диалектическом смысле, перед нами разворачивается субъект-объектное тождество (подход Ф. Шеллинга) трансцендентальной, метафорически выражаясь, «закваски». Она обнаруживает Немыслимое в форме интенциональной активности субъекта в его собственной «точке интенсивности». Этот диалектический подход не допускает существования недиалектической, однобокой, постмодернистски перекошенной «метафоры», не превращает вещное бытие в текстовый симулякр, а намекает на возможность некритической в рациональном смысле, Повседневности. Человек здесь просто человек, а не гносеологический субъект. Перед нами, как идеал неклассической рациональности, разворачивается, словно точка отсчёта, собственно человеческое существование. Выход из постмодерна как кризисного явления предполагается благодаря актуализации континуума Человеческого как интенциональное самосознание ситуативно напряжённой «точки интенсивности».

Особенности структуры сознания, понимаемые в системе отсчёта неклассической рациональности, позволяют увидеть структуру этой субстанции во всей её полноте. Упомянутая выше множественная рефлексия, сама её возможность, указывает нам на то, что сознание — это сложное, многослойное явление. Эти слои взаимодействуют между собой, характеризуются разными феноменальными материями и размереностями. Благодаря этому взаимодействию,

пересечению пучков взаимообусловленностей, одни слои могут подстраиваться под терминологическую парадигму других. К примеру, в условиях (во времена) идеологического доминирования понятие сознания рассматривается сквозь призму соответствующей идеологии, и более того, как пишет В.В. Калиниченко, идеологемы по-разному структурируют и само сознание, и конструкции его понимания: для домонополистического капитализма свойственна классическая рациональность, – «классика идеологизирует домонополистическую эпоху» структурам самосознания соответствуют формы (духовного) производства; при этом классическая рациональность противодействует монополистической стадии капитализма (о монополистическом капитализме); Другой пример «социальной детерминации мысли» предметно-знаковое, культурообусловленное напластование, которое так окрашивает сознание, что оно уже срачивается с предметами внешнего мира и их сигнификатами (вещь-денотат и обозначающая эту вещь лексема-сигнификат, разные в разных культурных и языковых системах). Относится это не только к различным этнокультурным языковым системам (русский, сербский, древнегреческий, язык живой науки латынь, санскрит и др.), но и к знаковой системе как таковой, решающее влияние которой на формирование личности, посредством системного подхода (общенаучный уровень методологии), обозначил Л.С. Выготский в концепции культурно-исторического развития, что относится также и ко второй сигнальной системе (понятие конкретно-научного уровня знания).

Психологический аспект. Наличие перехода к конкретно-научной области знания М.К. Мамардашвили обозначил и в следующих рассуждениях. Множественная рефлексия как способность к самонаблюдению, несёт характер бытийного явления, которое, как пишет М.К. Мамардашвили, только и способно задать начало, исток психологической реальности: психология возникает тогда и только тогда, когда мы имеем дело с «самоосновным явлением». Таковое явление полагает себя само, находит причину своего существования в себе самом, и проявляет себя посредством самостно осуществляемого выбора.

Переход от уровня философской методологии к уровню психологического теоретического обобщения реализуется и на примере понимания эмоциональной сферы. Поскольку М.К. Мамардашвили рефлексивно различает открытое бытию сознание (синтезы сознательной жизни) и психическую самозамкнутость (мир собственных представлений о бытии, моделей, феноменально наглядных превращений), то, – и мы тут усматриваем некую аллюзию с работами другого апологета неклассической рациональности Сёрена Кьеркегора, полагавшего страх возможностью свободы, – советский философ начинает говорить об испытании Души (сфера психического у Декарта в трактовке М.К. Мамардашвили) страданием. Подвергается рефлексии собственно эмоционально-чувственная сфера человека. То, насколько удачно получилось справиться с этим испытанием, не впадая при этом в мелочные истерические реакции, влекомые иллюзорной и проективной надеждой на готовое к счастью будущее, не приложив к этому никаких усилий («точки интенсивности») и оставаясь из-за этого бездействия как личность неизменным, настолько определённо можно говорить о готовности человека (личности), в нашем исследовании, юношеского возраста, «к труду, жизни, языку» (в терминологии М. Фуко).

Далее, переход философского осмысления к языку психологической науки осуществляется относительно и понятия «мотивация» (связанного с эмотивно-потребностной сферой), и нейропсихологического термина «фактор», введённого в метаязык исследованиями А.Р. Лурия.

Интуитивно постигаемая слитость, вырастающих из Немыслимого, интеллигибельных «фактов мира», бытийственная (самоосновательность явления, по М.К. Мамардашвили) принадлежность таковой слитости, позволяет экстраполировать дискурс на

общепсихологический план осмысления и эксплицирует (или эмерджирует, в классической терминологии И. Канта, обнаруживает, при оглядке на философский уровень абстракции) понятие мотивации (опредмеченная потребность как форма проявления «активности объекта»), обнаруживающей явление как то, что достигается сознательным путём своего самостояния, достигает ясности недоосознанных мотиваций, своей личностной индивидуальности, прилагает к этому направленные, осмысленные усилия.

Нейропсихологический аспект. Самоосознание, самооснование как процесс, в системном подходе предполагает наличность междисциплинарного характера в исследовании; продукт процесса систематизации предполагает наддисциплинарный характер в исследовании. На нейропсихологическом плане, по нашему мнению, в этом случае, фигурирует категория нейропсихологического фактора (по А.Р. Лурии), задающая (формализм в науке), или обнаруживающая (платонизм в науке), явление интенционально характеризуемого функционирования головного мозга как системы (общенаучные структурно-функциональный подход и системно-деятельностный подход). Нейропсихологический фактор (центральное явление нейропсихологии) является продуктом систематизации и формой проявления, и разрешения, психофизиологической проблемы, и несёт функцию единицы анализа нейропсихологических особенностей личности (единица анализа как понятие неклассической психологии). Здесь мы имеем дело с так называемой «белой нейропсихологией» (системно-деятельностный подход), ставящей акцент на изучении системной связности аппарата мышления (головного мозга), а не функционирования отдельных его частей («серая нейропсихология»; структурно-функциональный подход). Именно в этом случае оказывается возможной перспектива постановки вопроса о выявлении механизмов личностного выбора, перед которым вплотную оказывается каждое поколение юношеского возраста (объект нашего исследования), и теоретическая разработка которого возможна только в русле неклассической рациональности.

Вывод

Таким образом, неклассический идеал рациональности, акцентировавший субъектность личностного начала, его суть, задаёт пути развития психологии, оказавшейся в парадигмальном кризисе традиционной классики психо. Личность приобретает имманентное ей субъектное начало, становится, а priori, основой построения теорий и моделей научных изысканий, задавая возможности решения давней проблемы психофизиологического параллелизма. Нейропсихология личности, посредством многокомпонентного и многоуровневого понятия «нейропсихологический фактор», оказывается интенциональной инициацией для всей знаниевой парадигмы в качестве системной надстройки (общая психология, психология личности, дифференциальная психология, психофизиология, нейробиология, нейрофизиология, нейрохимия, нейроэтология, нейрогенетика, нейроморфология) относительно интегративной психологической науки в целом.

Библиография

1. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы / П.К. Анохин. – М., 1978.
2. Асмолов А.Г., Цветков А.В. Нейропсихология личности: проблемы и перспективы / Современные проблемы клинической психологии. Сб. статей. – М.: Компания Спутник+, 2005.
3. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова; науч. ред. текста к.ф.н. Д. Дамте]. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.

4. Бушмакина О.Н. Онтология постсовременного мышления. «Метафора постмодерна». Монография. – Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1998. – 272 с.
5. Вальденфельс Б. Повседневность как плавающий тигль рациональности // Социологос: Социология, антропология, метафизика. Вып. 1 / Под ред. В.В. Винокурова, А.А. Филиппова. – М., 1991.
6. Декарт Р. Рассуждение о методе / Рене Декарт; пер. М. Позднева, Н. Сретенского, А. Гутермана. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 320 с.
7. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.
8. Деррида Ж. Фармация Платона // id. Диссеминация / пер. Д. Кралечкина; науч. редактор В. Кузнецов. Екатеринбург: «У-Фактория», 2007.
9. Калинин В.В. Понятия «классического» и «неклассического» в философии М.К. Мамардашвили // Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.
10. Кьеркегор С. Страх и трепет: Пер. с дат. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
11. Леонтьев, А.Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск., 2006.
12. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962 (1 изд.).
13. Мамардашвили М. Лекции по античной философии / Мераб Мамардашвили. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 256 с.
14. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. – М.: Прогресс, 1993.
15. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.
16. Мамардашвили М.К., Соловьёв Э.В., Швырёв В.С. Классическая и современная буржуазная философия (опыт эпистемологического сопоставления) // Философия философии. Тексты философии: Учебное пособие для вузов / Ред.-сост. В. Кузнецов. – М.: Академический Проект, Фонд «Мир», 2012. – 347 с.
17. Мамардашвили М.К., Соловьёв Э.В., Швырёв В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. – М.: Наука, 1972.
18. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории / Оформление обложки А. Олесенко, С. Шапиро. – СПб.: Издательство «Лань», 1997. – 384 с.
19. Платоновские исследования. Вып. VI (2017/1) / Под ред. И.А. Протопоповой, О.В. Алиевой, А.В. Гараджи, Е.А. Гараджи. М.-СПб.: ПФО; РГГУ; РХГА, 2017. – 294 с.
20. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста: Учебное пособие. – 6-е изд. – М.: Генезис, 2018. – 319 с.
21. Современный словарь иностранных слов: / Изд-во «Рус. яз.». – Ок. 20 000 слов. – М.: Рус. яз., 1993. – 740 с.
22. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
23. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 576 с.
24. Хлопчик И.П. Политическая роль монополий на государственно-монополистической стадии капитализма: Диссерт. канд. филос. наук. – М., МГУ, 1971. – 194 с., URL: [https://search.rsl.ru/ru/search#q=author%3A\(хлопчик\)](https://search.rsl.ru/ru/search#q=author%3A(хлопчик)), (дата обращения: 20.10.2020).
25. Хлопчик И.П. Политическая роль монополий на государственно-монополистической стадии капитализма: Автореф. дисс. канд. филос. наук. – М., МГУ, 1971, URL: [https://search.rsl.ru/ru/search#q=author%3A\(хлопчик\)](https://search.rsl.ru/ru/search#q=author%3A(хлопчик)), (дата обращения: 20.10.2020).
26. Цветкова Л.С. Введение в нейропсихологию и восстановительное обучение. Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2000. – 148 с.
27. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 880 с.
28. Cyril of Alexandria. Select Letters. Edited and translated by Lionel R. Wickham. – Oxford. At the clarendon press. 1983.
29. Deleuze. Logique du sens. Paris: by Les Editions de Minuit, 1969, p. 297.
30. Хуснутдинов, С.И. Гёдель, неклассическая рациональность и наддисциплинарный аспект нейропсихологического исследования // Путь науки. – № 8 (66). – 2019. – С. 76-83. – Режим доступа: http://scienceway.ru/f/the_way_of_science_no_8_66_august.pdf (дата обращения: 20.10.2020).
31. Хуснутдинов, С.И. Методологические основы в изучении нейропсихологического аспекта личности социально одарённых старшеклассников юношеского возраста [Электронный ресурс] / С.И. Хуснутдинов // Путь науки. – 2019. – № 10 (68). – С. 61–66. – Режим доступа: http://scienceway.ru/f/the_way_of_science_10_68_october_1.pdf (дата обращения: 20.10.2020).
32. Хуснутдинов С.И. Социальная одаренность как нейропсихологический феномен личностного развития // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 4А. С. 31. DOI: 10.34670/AR.2019.44.4.010. URL: <http://www.publishing-vak.ru/archive-2019/psychology-4.htm> (дата обращения: 20.10.2020).

- 20.10.2020).
33. Хуснутдинов С.И. Феномен личности в интенции когнитивного усложнения в парадигматике рации. Ч. III. Личность в неклассическом типе рациональности (нейропсихологический аспект) // Педагогика & Психология. Теория и практика. – 2020. – № 1 (27). – С. 57-64. – Режим доступа: http://scippjournal.ru/f/pedagogy_psychology_theory_and_practice_no_1_27_february.pdf (дата обращения: 20.10.2020).
34. Цветков, А.В. Нейропсихология и нейропедагогика подростка [Электронный ресурс] / А.В. Цветков, С.И. Хуснутдинов – М.: ООО Спорт и Культура-2000, 2015. – 43 с., С. 32. – Режим доступа: https://vk.com/doc79737838_445926892?hash=b00bdd38d5f269a065&dl=e6af2c94d696aa88fd (дата обращения: 20.10.2020).
35. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – 408 с., С. 363. Режим доступа: https://monoskop.org/images/3/39/Фуко_Мишель_Слова_и_вещи.pdf (дата обращения: 20.10.2020).
36. Patrologia Graeca. Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Patrologija/migne> (дата обращения: 20.10.2020).

Philosophical methodological basis of neuropsychological research of youth

Sergei I. Khusnutdinov

Psychologist,
Secondary school No. 55,
426019, 23, Avtonomnaya str., Izhevsk, Russian Federation;
e-mail: sergy1112@gmail.com

Abstract

The article presents the philosophical level of methodological justification of research on the neuropsychology of personality associated with the non-classical ideal of rationality. The Cartesian "coordinate system", reinterpreted by M. K. Mamardashvili, served as the basis for a new understanding of personality by the new psychology (I. P. Pavlov), which seeks to discover the subjectivity of the personal principle. The attitude to personality in the focus of non-classical rationality is methodologically relevant for the emerging direction of "neuropsychology of norm". It is shown that non-classical ideal of rationality, *aktsentirovanie* subjectivity of personal identity, its essence, defines the development of psychology caught in a paradigm crisis of the traditional classics of rationality. Personality acquires an immanent subjective principle, becomes, a priori, the basis for building theories and models of scientific research, setting the possibility of solving the long-standing problem of psychophysiological parallelism. Personality neuropsychology, through the multicomponent and multilevel concept of "neuropsychological factor", turns out to be an intentional initiation for the entire knowledge paradigm as a system superstructure (general psychology, personality psychology, differential psychology, psychophysiology, neurobiology, neurophysiology, neurochemistry, neuroethology, neurogenetics, neuromorphology) relative to integrative psychological science as a whole.

For citation

Khusnutdinov S.I. (2020) *Filosofskii metodologicheskii bazis neiropsikhologicheskogo issledovaniya yunosheskogo vozrasta* [Philosophical methodological basis of neuropsychological research of youth]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 9 (5A), pp. 276-289. DOI: 10.34670/AR.2020.60.75.034

Keywords

Rationality, classical ideal of rationality, non-classical ideal of rationality, postmodernism, poststructuralism, subjectivity, personality, youth, neuropsychology, neurobiology.

References

1. Anokhin, P. K. Philosophical aspects of the theory of a functional system / P. K. Anokhin. - M., 1978.
2. Asmolov A. G., Tsvetkov A.V. Neuropsychology of personality: problems and prospects / Modern problems of clinical psychology. Collection of articles-Moscow: Sputnik+ Company, 2005.
3. Baudrillard Zh. Fatal strategies / J. Baudryayr; [translated from French by A. Kachalova; scientific ed. of the text by Ph. D. Damte]. - M.: RIPOLL classic, 2017. - 288 p.
4. Bushmakina O. N. Ontology of post-modern thinking. "The metaphor of the postmodern". Monograph. - Izhevsk: Udmurt University Press, 1998. - 272 p.
5. Waldenfels B. everyday life as a melting pot of rationality // sociologos: sociology, anthropology, metaphysics. issue 1 / edited by v. v. vinokurov, a. a. filippov. - m., 1991.
6. descartes r. reasoning about the method / rene descartes; per. m. pozdnev, n. sretensky, a. guterman. - st. petersburg: azbuka, azbuka-atticus, 2018. - 320 p.
7. Deleuze, G. The logic of sense TRANS. with FR. J. I. Svirsky. - M.: Academic Project, 2011. - 472 p
8. Derrida J. Pharmacy of Plato // id. dissemination / per. d. kralechkin; scientific editor v. kuznetsov. Ekaterinburg: "U-Factoriya", 2007.
9. Kalinichenko V. V. The concepts of "classical" and "non-classical" in the philosophy of M. K. Mamardashvili / Mamardashvili M. K. Classical and non-classical ideals of rationality. - St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2010. - 288 p.
10. Kierkegaard S. Fear and trepet: Per. s dat. - M.: Republic, 1993. - 383 p.
11. Leontiev, A. N. Philosophy of psychology: from the scientific heritage / Ed. by A. A. Leontiev, D. A. Leontiev. - M.: Moscow Publishing House, 2006.
12. Luria A. R. Higher cortical functions of a person and their disorders in local brain lesions. - M.: Moscow Publishing House. un-ta, 1962 (1 ed.).
13. Mamardashvili M. Lectures on ancient philosophy / Merab Mamardashvili. - St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2014. - 256 p.
14. mamardashvili m. k. cartesian reflections. - m.: progress, 1993.
15. mamardashvili m. k. classical and non-classical ideals of rationality. - St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2010. - 288 p.
16. Mamardashvili M. K., Solov'ev E. V., Shvyrev V. S. Classical and modern bourgeois philosophy (experience of epistemological comparison). Texts of philosophy: A textbook for universities / Ed. - comp. V. Kuznetsov. - M.: Academic Project, Mir Foundation, 2012. - 347 p.
17. Mamardashvili M. K., Solov'ev E. V., Shvyrev V. S. Classic and modernity: two epochs in the development of bourgeois philosophy.
18. Markov B. V. Philosophical anthropology: essays in history and theory / the cover Design A. Alesanco, S. Shapiro. - St. Petersburg: Publishing House "Lan", 1997. - 384 p.
19. Platonic studies. Issue VI (2017/1) / Edited by I. A. Protopopova, O. V. Alieva, A.V. Garadzhi, E. A. Garadzhi. M. - St. Petersburg: PFD; RSUH; rkhga, 2017. - 294 p.
20. Semenov A.V. Introduction to the neuropsychology of childhood: A textbook. - 6th ed. - Moscow: Genesis, 2018. - 319 p.
21. Modern dictionary of foreign words: / Publishing house " Rus. yaz.". - Ok. 20 000 words. - Moscow: Rus. yaz., 1993. - 740 p.
22. Philosophical Dictionary / Edited by I. T. Frolov. - 5th ed. - Moscow: Politizdat, 1986. - 590 p.
23. Philosophical encyclopedia. - Moscow: INFRA-M, 1999. - 576 p.
24. Khlopchik I. P. The political role of monopolies at the state-monopolistic stage of capitalism: The dessert. Cand. philosophy. M., MSU, 1971. - 194 p., URL: [https://search.rsl.ru/ru/search#q=author%3A\(khlopchik\)](https://search.rsl.ru/ru/search#q=author%3A(khlopchik)), (accessed 20.10.2020).
25. Khlopchik I. P. The political role of monopolies at the state-monopolistic stage of capitalism: Autoref. Diss. Cand. philosophy. Moscow, MSU, 1971, URL: [https://search.rsl.ru/ru/search#q=author%3A\(khlopchik\)](https://search.rsl.ru/ru/search#q=author%3A(khlopchik)), (accessed 20.10.2020).
26. Tsvetkova L. S. Introduction to neuropsychology and rehabilitation training. textbook. - moscow: moscow psychological and social institute, 2000. - 148 p.
27. Yaroshevsky M. G. Nauka o povedenii: russkiy put ' [Science of behavior: the Russian way]. - M.: Publishing House "Institute of Practical Psychology", Voronezh: NGO "MODEK", 1996. - 880 p.

28. Cyril of Alexandria. Select Letters. Edited and translated by Lionel R. Wickham. – Oxford. At the clarendom press. 1983.
29. Deleuze. Logique du sens. Paris: by Les Editions de Minuit, 1969, p. 297.
30. Khusnutdinov, S. I. Goedel, Non-classical rationality and the supra-disciplinary aspect of neuropsychological research. № 8 (66). – 2019. – Pp. 76-83. - Access mode: http://scienceway.ru/f/the_way_of_science_no_8_66_august.pdf (accessed 20.10.2020).
31. Khusnutdinov, S. I. Methodological foundations in the study of the neuropsychological aspect of the personality of socially gifted high school students of youth age [Electronic resource] / S. I. Khusnutdinov // Path of science. – 2019. № 10 (68). – Pp. 61-66. - Access mode: http://scienceway.ru/f/the_way_of_science_10_68_october_1.pdf (accessed 20.10.2020).
32. Khusnutdinov S. I. Social giftedness as a neuropsychological phenomenon of personal development. Historical and critical reviews and modern research. 2019. Vol. 8. No. 4A. P. 31. DOI: 10.34670/AR. 2019. 44. 4. 010. URL: <http://www.publishing-vak.ru/archive-2019/psychology-4.htm> (accessed 20.10.2020).
33. Khusnutdinov C. I. the Phenomenon of personality in the intention of cognitive complexity in paradigmatic rational. Part III. personality in the non-classical type of rationality (neuropsychological aspect) // pedagogy & psychology. Theory and practice. – 2020. – № 1 (27). – pp. 57-64. - access mode: http://scippjournal.ru/f/pedagogy_psychology_theory_and_practice_no_1_27_february.pdf (accessed 20.10.2020).
34. Tsvetkov, A.V. Neuropsychology and neuropedagogy of a teenager [Electronic resource] / A.V. Tsvetkov, S. I. Khusnutdinov-M.: ООО Sport and Culture-2000, 2015. - 43 p., p. 32. - Access mode: https://vk.com/doc79737838_445926892?hash=b00bdd38d5f269a065&dl=e6af2c94d696aa88fd (date accessed: 20.10.2020).
35. Foucault M. words and things. archaeology of the humanities. - St. Petersburg: A-cad, 1994. - 408 p., p. 363. Access mode: https://monoskop.org/images/3/39/Фуко_Мишель_Slova_i_veschi.pdf (accessed: 20.10.2020).
36. Patrologia Graeca. Mode of access: <https://azbyka.ru/otechnik/Patrologija/migne> (date accessed: 20.10.2020).